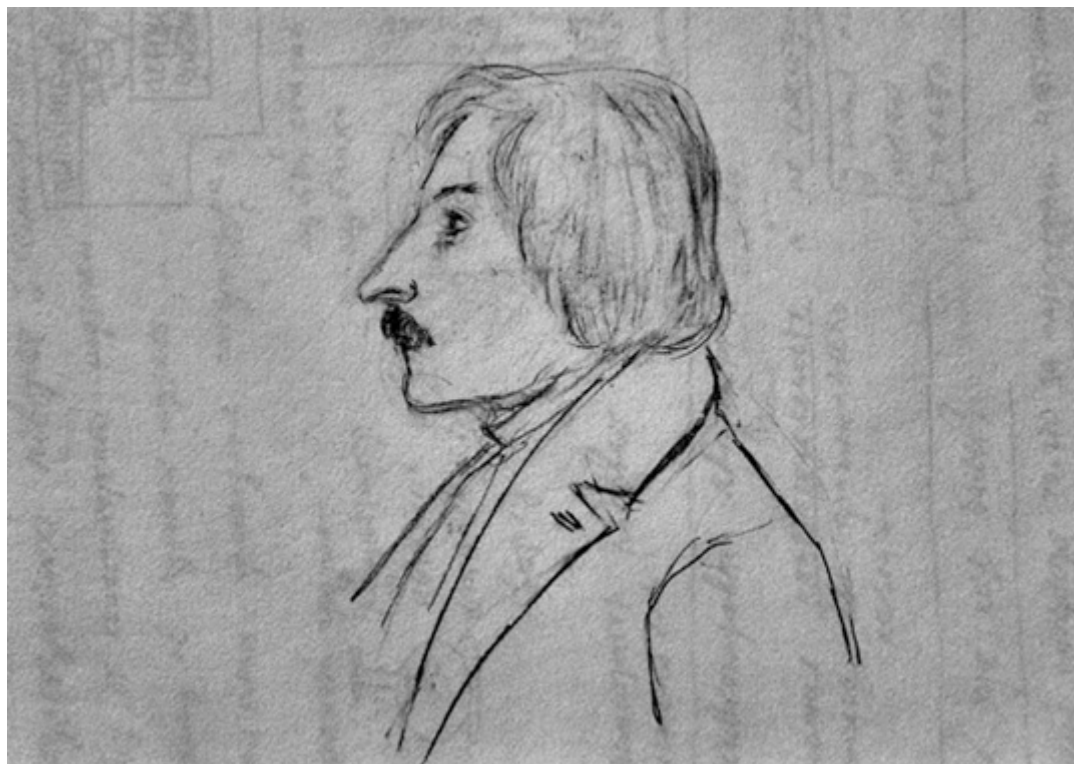

Игорь Шестков "Вокруг Носа Гоголя"

ВОКРУГ НОСА ГОГОЛЯ

Россия, Петербург, снега, подлецы...

(Гоголь – Жуковскому)

Гоголь. Уникальное сочетание: гомерически смешно, и жутко, и абсурдно.

Сам бы не смог – хавронья-матушка помогла, Россия. Прижала так своим свинцовым брюхом, что алмазы посыпались.

Лирические отступления и описания природы пропускал в детстве, пропускаю и сейчас. Отступить-то некуда. Леса или реки не предметы для лирики, а часть страшного биологического мира – из леса доносится стон растений, от реки несет тухлой рыбой и гнильем.

Не люблю и «Выбранные места из переписки с друзьями». Что думает и что проповедует писатель Гоголь – не интересно. Интересно посмотреть, какие картинки дома у Собакевича на стенах висят.

Гоголь был болезненным ребенком.

Сильно страдал от золотухи.

Из ушей у него текло.

Взрослый Гоголь уверял своих друзей, что он никогда не потеет и что желудок его вверх ногами.

Одноклассники звали его – таинственный карла.

Когда представление гостей кончилось, Юзефович... просил его сесть откусать, но Гоголь, взглянув на закуски и на чай, сделал брюзгливую гримасу, еще брюзгливее посмотрел на своих почитателей и закрыл глаза рукой, брюзгливо глянув в сторону заходящего солнца.

(Ясинский со слов Михольского)

Доктор мой отыскал во мне признаки ипохондрии, происходившей от геморроид, и советовал мне развлекать себя...

(Гоголь – Жуковскому)

Почти все известные нам сочинения Гоголя (кроме очевидных исключений) – плоды развлечения самого себя. Это и есть настоящая литература. От ипохондрии помогает. И от геморроя. Все остальное – пропаганда или коммерция.

Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться...

(Гоголь – Высоцкому)

Так чувствовал себя Гоголь среди людей. Не только в Нежине, везде. Всю жизнь. О Петербурге он высказывается в том же духе: ... Никакой дух не блестит в народе... все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их...

Романтик! Как будто где-либо, когда-либо люди жили иначе.

Добрый знакомый Гоголя Чижов писал о вечерах у Языкова в Риме: Большею частью содержанием разговоров Гоголя были анекдоты, почти всегда довольно сальные.

Соллогуб в своих воспоминаниях уточняет: Гоголь имел дар рассказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнева со стороны своих слушательниц, причем он всегда грешил преднамеренно...

Однажды Гоголь рассказал графине Виельгорской в присутствии целого общества о молебне, который отслужили толстые нарумяненные проститутки в завитых волосах перед Нижегородской ярмаркой для доброго почина.

Сомнительными анекдотами полны и произведения Гоголя.

Мать кузнеца спрятала в двух мешках четырех своих любовников – чёрта, голову, дьяка и старого казака («Ночь перед Рождеством»).

Старуха в нагольном тулупе захотела переспать с бурсаком (Вий).

Молодой приезжий чиновник хотел того... и с мамашей и с дочкой (Ревизор).

Художник увидел в девушке идеал красоты, влюбился в нее – а она оказалась проституткой. Он от огорчения перерезал себе вены (Невский проспект).

Три немца поручика за волокитство высекли, а он съел два слоеных пирожка и был таков. А вечером отличился в мазурке (Невский проспект).

Мертвец ограбил генерала, который к любовнице ехал (Шинель).

Жених, надворный советник, думал-думал, да и сбежал. В окошко вылез. (Женитьба).

Аксаков свидетельствовал: Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать «Мертвые души» как любопытный и забавный анекдот...

Герои Гоголя – герои анекдотные. Короткие существования, исчерпывающиеся набором смешных или зловещих характеристик, данных автором напрямую, или через описание, например, костюма, мебели, состояния имения, реже – через речь и поступки. Это характерные литературные персонажи – выпуклые, цветные, экспрессивные. Не животные даже (несмотря на то, что Гоголь, этот писатель-нос, писатель-желудок пишет почти исключительно о смачных

подробностях их полуживотного бытия), и не представители растительного вида. Лубки. Фомы и Еремы. Фарносы и Пигасьи. Наряженные Гоголем в мундиры чиновников или в засаленные халаты помещиков. Почти куклы. Искусственно лишённые автором эволюции, психологии, даже видимости свободы (от диктата автора) – воистину мертвые души...

Присоединяйте к концу вашего письма всякий раз какой-нибудь очерк и портрет... Например... Городская львица, и, взявши одну из них, такую, которая может быть представительницей всех провинциальных львиц, опишите мне ее со всеми ухватками, – и как садится, и как говорит, и в каких платьях ходит, и какого рода львам кружит голову, словом, – личный портрет во всех подробностях. Потом... Непонятная женщина... Городская добродетельная женщина... Честный взяточник... Губернский лев. Словом, всякого такого, который вам покажется типом.

(Гоголь – Смирновой)

Именно так он сам и поступал – описывал не человека, а тип со всеми его ухватками.

Как, например, представляет нам Гоголь Петра Петровича Петуха – типичного толстого деятельного помещика? Через действия. Петух ловит рыбу, участвует в приготовлении еды, ест, спит и храпит.

Даже его сообщение о том, что имение заложено, звучит фальшиво. Гоголевский герой не имеет права выходить из роли кулебяки. Не внутритекстовая необходимость заставила Петуха заговорить иначе, а предвзятость автора, проповедника и учителя жизни, задумавшего предупредить незадачливых читателей о вреде театров (ревизоров, игроков и женитьб): промотает все, да и детей сделает мотишками... как просветятся там у ресторанов да по театрам – все пойдет к черту...

Колоритная фигура – Петух? Да. Смешная. Немного жалкая. Не потому, что его имение заложено, а сыновья – будут, возможно, дрянными людьми. Петуха жалко, потому что он – не человек, а монстр, сотворенный профессором Гоголем-Франкенштейном, оживленный литературным талантом автора шар

мяса, позаимствованного от различных мертвых и не мертвых тел. Нечто вроде круглого желудка или колобка в человеческий рост.

Как лубковый мастер, – не читал романа Рабле, а только срисовал картинку – и превратил Гаргантюа и Пантагрюэля в славных опивал и объедал, так и Гоголь, наблюдая жизнь из брочки или из окна римской квартиры, слышал анекдот, вспомнил характерную типичную фигуру и вывел в своей прозе вместо человека – лубочного героя...

Гоголя вдохновляла не действительность, не идеи и представления, а талант описывателя всяческой живности. Которая, несмотря на всю смачность, жирность и натуральность все-таки не жизнь, а животность.

Гоголь в своих описаниях гораздо ближе к Рубенсу, чем к своему любимцу Рафаэлю. К Рубенсу с украинским акцентом, разумеется...

Вроде бы, ничего плохого в таком, одностороннем, «фламандско-лубковом» способе представления людей нет – многие сатирики поступали точно так же. Проблема заключается в том, что герой анекдота или «тип» не только не может обладать сложным внутренним миром, психикой, но и не может изменяться во времени, он – жертва своей типичности. Своих атрибутов. Если он выйдет из узкого пространства анекдота в жизнь, он и анекдот разрушит и типичность. Петух должен выступить, сорвать аплодисмент читателя, и исчезнуть.

Невозможно катить этот шарик дальше. А Гоголь-демиург хотел катать свои куколочки до того, пока они в бабочек не превратятся.

В поэме Гоголя есть только один живой герой, сопровождающий читателя на всем пути. Это сам автор, потчующий сентиментальных читателей лирическими отступлениями. Все остальные – карикатуры, фламандские мужики, лубки.

Даже Павел Иванович Чичиков – хоть и тянет повествование, как коренник в тройке, но он не живой человек, а тип. Подлец-добытчик. Внутри действия поэмы он не меняется – каким был, таким и остался, пробудить его к высшей жизни Гоголю не удалось.

Рассказчик же поэмы – эволюционирует вместе с автором. Самую интересную возможность прозы – построение рассказчика – Гоголь вовсе не использовал, рассказывал просто, от себя...

За пасечником он прятался.

В «Петербургских повестях» рассказчик – светский молодой человек, этакий шуткун, с Пушкиным на дружеской ноге...

В «Мертвых душах» рассказчик одновременно – писатель и проповедник. Эти двое в одной бричке далеко уехать не смогли.

В «Выбранных местах» Гоголь возлагает на себя ответственность за гадости своих героев:

...Во мне заключилось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и притом в таком множестве, в каком я еще не встречал доселе ни в одном человеке ... Необыкновенным душевным событием я был наведен на то, чтобы передавать их своим героям... С тех пор я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью.

Гоголь совершал операцию, в математике зовущуюся инверсией, – проектировал свой внутренний мир на мир внешний, заселял литературный макрокосм обитателями своего микрокосма – персонификациями своих грехов. И, как мы узнаем из его писем, грехами знакомых и приятелей. А потом приставлял, как незабвенная Агафья Тихоновна, губы Никанора Ивановича к носу Ивана Кузьмича, прибавлял развязности Бальтазара Бальтазарыча и дородности Ивана Павловича...

Только зашоренные учителя литературы верят, что писатель пишет произведение для того, чтобы показать Россию крепостников и самодуров или сорвать все и всяческие маски.

Не только стихи растут из сора, но и проза произрастает не из высоких побуждений, а наоборот – из смертных грехов. Грехов автора.

И литературные герои, также как и обыкновенные, земные люди, рождаются от похоти сердца и ума, а не от благородных устремлений.

А как же любовь, уважение, религия и вся остальная «черемуха»? Если есть – прекрасно. А если нет, можно и без них обойтись.

Есть анекдотец – есть и сюжет. Завязка повествования. А текст нарастет как дикая борода из букв. Спиралями вокруг завязки. Это вам не то, что реалистическую, описательную прозу километры строк тянуть и психологию разводить, как Пруст на общих литературных работах.

В прозе Гоголя есть, конечно, и подробные описания – но и в них вкраплены, как горчичные зерна в маринад, – анекдотцы, небылицы и откровенный вздор.

Редкая птица долетит до середины Днепра...

пишет Гоголь, хотя знает, что даже воробей или бабочка перелетят Днепр без труда за несколько минут.

Пани Катерина убивается: Похороните же меня! Похороните вместе с ним!

Засыпьте мне очи землю! Надавите мне кленовые доски на белые груди!

Помню, мне, десятилетнему, представлялась соблазнительная картина – наш дородный учитель литературы Петр Трофимович Гофрат, вращая налитыми кровью глазами, давит большой занозистой доской могучие дебелие груди нашей классной руководительнице, свиноподобной Александре Ивановне...

Нежась и приближаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул.

Не может Днепр давать по себе струю, не бывает полос дамасской сабли, не может река приближаться к берегам от ночного холода (к своим собственным берегам)...

Ты посинел, как Черное море (о мертвом муже).

Каков макабр!

Кто понесется на твоём вороном коне, громко загукает и замашет саблей перед казаками.

Русский так бы не сказал. Загукал – заагукал. И пузыри пустил.

Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина...

Ширина не ходит! Тем более строчкой далее, в том же предложении, Днепр – без меры в ширину.

Реет и вьется...

Днепр реет? Как флаг?

Любо прибрежным лесам.... Зеленокудрые! Они толпятся вместе с полевыми цветами к водам...

Не могут леса толпиться вместе с полевыми цветами к водам, Гоголь, видимо, имел в виду деревья... Да и деревья не толпятся к водам...

... и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями...

Это все про леса. Леса глядят в воду светлым своим зраком (взглядом?).

Усмеваются к нему. К Днепру? Вот и мы усмехнемся к Гоголю.

И пишут, пишут эту полуграмотную высокопарную бессмыслицу поколения школьников на бесчисленных диктантах и подергиваются паволокой и увлажняются, и синеют как Черное море, затравленные обычно, учительские глаза...

Кажется, все «прелести» гоголевского языка - это только ошибочно употребленные украинизмы. Не только слова, но и словесные конструкции, сочетания итд. Удивительно экспрессивные, смачные... ошибки. Неточности. Перевертыши. Фата-морганы... Красота гоголевского языка - отрицательная. Неплодотворная. Гоголь как бы проел в ткани русского языка дырку. С тех пор некоторые языковые струйки не текут себе дальше, а бесследно в этой дыре исчезают...

Гоголь ловил анекдоты и тасовал их как карты. Потерянное ружье превратил в шинель, мертвые души Пивинского – в мертвые души Чичикова, безносого персиянина – в безносого коллежского асессора Ковалева, Свинына-Криспина – в Хлестакова. Менял обстановку, декорации, костюмы, понижал, от страха перед цензурой, героев в чине...

За что его приняли в реалисты? Он от реализма отрекался, отрекался. Ему не верили.

Мало того, что в центре любого прозаического текста Гоголя лежал анекдот, маленькие анекдоты сидели и в ответвлениях сюжета (если там не выросли неприятные склизкие грибки – лирические отступления), и так да самой фразы, до слова, до имени....

Чичиков заснул на индюке...

Так зевнул, что перепугал даже старостинных индеек.

Донос ехал на доносе...

Сквозник-Дмухановский (сквозник – чай, в чае – муха).

Уховертов.

Земляника.

Гоголь писал Плетневу: Я до сих пор, как ни бьюсь, не могу обработать слог и язык свой, – первые, необходимые орудия всякого писателя. Они у меня до сих пор в таком неряшестве, как ни у кого даже из дурных писателей, так что надо мной имеет право посмеяться едва начинающий школьник. Все мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности... У меня никогда не было стремления быть отголоском всего и отражать в себе действительность как она есть вокруг нас....

Почему Гоголю верят, когда он пишет редкая птица долетит до середины Днепра и не верят, когда он пишет про себя горькую правду?

Анекдотов нет в «Выбранных местах», поэтому этот текст так тяжел и неприятен. Зато есть какое-то нудное безумие. Белинский написал – Не истиной христианского учения, а болезненной боязнью смерти, черта и ада веет от вашей книги.

И ведь правду написал. Гоголь, кажется, действительно верил в черта, в посмертное наказание, Страшный суд и прочие басни.

... ваше волнение есть просто дело черта. Вы эту скотину бейте по морде... как только наступишь на него, он и хвост подожмет.

(Гоголь – Аксакову)

Если бы Гоголь вот так, буквально, не верил в черта, не написал бы свои малороссийские сказки. Не приставлял бы к судьбам своих героев искусственные житийные концы.

Гоголь верил в ад и боялся его. Пытался откупиться своими героями. Не вышло – Вий вылез из его собственных штанов и показал на хозяина своим железным пальцем.

Стали плакаться бабы, как им трудно... А брат утешал их: Это хорошо, что так теперь страдаете, зато будет вам блаженство и царствие небесное.

(Гоголь-Головня по записи Мошина)

Неужели он мог издеваться над труждающимися и обремененными? Мог.

... он казался худым и испитым человеком...

Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство примешивалось к постоянно пронизательному выражению его лица. ...

Длинный, заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье; невыгодное впечатление производили также его одутловатые, мягкие губы под остриженными усами; в их неопределенных очертаниях – так, по крайней мере, мне показалось – темные стороны его характера; когда он говорил, они неприятно раскрывались и выказывали ряд нехороших зубов; маленький подбородок уходил в широкий бархатный черный галстук.

... умное, и странное, и больное существо...

Так описал Гоголя в октябре 1851-о года Тургенев...

Сестра Гоголя свидетельствовала, что брат был глуховат на одно ухо.

Спокойно съедал один банку варенья.

Очень любил разноцветные жилеты и шелковые, и бархатные, и зеленые, и голубые.

Носил высокую шляпу-цилиндр.

В морозные дни надевал медвежьи сапоги и енотовую шубу.

Друг мой. Я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мертвых душ».

(Гоголь – Смирновой)

Русского человека испугала его ничтожность более, чем все его пороки и недостатки.

(«Выбранные места»)

Не только русского человека испугала, но и автора.

Колумб хотел открыть новый путь в Индию, а открыл Америку. Гоголь – хотел открыть Россию и русского человека, а открыл и показал ничтожность, пошлость русской жизни. Или... жизни как таковой. Когда понял, что сделал – испугался и приговорил себя к смерти.

Безнадежнее геморроидального Гоголя был только один великий русский писатель – чахоточный Чехов.

Пашенко писал о юном Гоголе: Вдруг сделалась страшная тревога во всех отделениях – «Гоголь взбесился!» Сбежались мы и видим, что лицо у Гоголя страшно исказилось, глаза сверкают каким-то диким блеском, волосы натопорщились, скрегочет зубами, пена изо рта, падает, бросается и бьет мебель – Взбесился!... позвали четырех служащих при лицее инвалидов, приказали им взять Гоголя и отнести в особое отделение больницы... пробыл он там два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного...

Трудно сказать, что хуже – два месяца честно психовать или то же время разыгрывать сумасшедшего. Полагаю, друг Гоголя ошибался – припадок был настоящим. Может быть, начался он и с розыгрыша, но продолжился безумием. Психиатры рассказывали мне, что больные по разным причинам начинают разыгрывать припадок бешенства, но остановиться не могут, хотя и понимают, что актерствуют...

Таков, кажется, генезис и некоторых литературных опусов Гоголя – например «Ревизора», этого половинчатого бреда с косолапыми медведями и сивыми меринами на губернских пригорках-ручейках, толстобрюшкой, червонной дамой, финтирлюшками и веревочкой или «Женитьбы», бреда полного с женихом-яичницей, пушинками, паучками, паф-пафами, розанчиками и петушьей ногой.

Я не могу поверить, что Гоголю в тамошней нежинской дурке было привольнее, чем в лицее.

В письме Балабиной 32-летний Гоголь так описывает свое психическое состояние: Я почувствовал то подступающее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, а потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнабулическое состояние.

Подобные флуктуации психики характерны для больных «биполярным аффективным расстройством». Я не врач, и ни в коем случае не утверждаю, что Гоголь болел именно этой болезнью. Но в каталоге симптомов биполярного расстройства можно узнать многие, хорошо известные, особенности поведения и душевного состояния Гоголя, разглядеть контуры его литературы и его судьбы. В маниакальной фазе – духовный подъем, быстрая речь, двигательное возбуждение, вспышки гнева, скачки идей, бредовые идеи величия, колоссальные бесперспективные проекты, безумные конструкции. В депрессивной фазе – немногословная тихая речь, заторможенность, отупение, черная тоска, тревога. Самообвинения, самоуничужения, ипохондрия. Бред собственной отрицательной исключительности (больной утверждает, что он страшный несправимый преступник или грешник). Голоса, призывающие покончить с собой.

Опытные психиатры приглашали меня посмотреть на настоящих хронических «биполярников», совершенно не способных к писанию книг, тяжело больных

людей. Именно в такой, черной депрессии находился и Гоголь перед смертью. Он умер, не дожив одного месяца до 43 лет.

Мистика. Майор Ковалев хотел жениться ровно в сорок два года.

Титулярный советник Поприщин писал: Мне сорок два года – время такое, в которое, по-настоящему, только что начинается служба.

Соматика Гоголя не отставала от его психики; 36-летний Гоголь жаловался:

Признаки болезни моей меня сильно устрашили: сверх исхудания необыкновенного – боли во всем теле. Тело мое дошло до страшный охладеваний; ни днем, ни ночью я ничем не могу согреться. Лицо мое все пожелтело, а руки распухли и почернели и были ничем не согреваемый лед...

В других письмах того же времени читаем: Карус осмотрел меня... и нашел, что главная причина всего заключалась в печени, что печень необыкновенно выросла, оставив весьма мало места для легких... сильней всего у меня поражены нервы в желудочной области...

Хорошо еще, что у него не выросла под носом шишка, как у алжирского дея.

Гомик?

Нет. Подозрительные излияния мужчинам (я ничего теперь так не ожидаю, как твоих писем. Они – моя радость... я без тебя не останусь в /Петербурге/... куда ты, туда и я...) в письмах молодых лет – явно дань красноречию, а не отголоски полового влечения.

Некрофил?

Слишком романтично и пахнет неаппетитно. Гоголь же любил весну и воспринимал мир, как собака, ноздрями.

Верите, что часто приходит неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше – ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа, у которого ноздри были величиною в добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны.

(Гоголь – Балабиной).

Садист, мучитель?

Гоголь «послеримский» писал Соллогуб: Моя душа заныла от страшной жестокости моего сердца...

Гоголь имеет в виду свой эгоизм. Но только ли эгоизм?

Молодой Гоголь часто описывал различные садистские сцены.

На полу мальчишка лет четырех колотил огромным подсолнечником по опрокинутому горшку, между тем как другой, годом постарее, душил за горло кота, напевая какую-то песню...

(«Глава из исторического романа»)

Исполнители схватили ее за руки... Не многие глаза выдержали бы то ужасное зрелище, когда один из них с варварским зверством свернул ей два пальца, как перчатку. Звук хрустевших костей был тих...

Говори, я тебя!... – произнес воевода, которому муки слабого доставляли какое-то сладострастное наслаждение...

... это был человек... но без кожи. Кожа была с него содрана... Одни жилы синели и простирались по нем ветвями. Кровь капала с него! ... На кровавом лице страшно мелькали глаза.

(«Кровавый бандурист»)

Тут особенно впечатляет это – свернул... как перчатку. И любимое слово Гоголя – тих.

Несколько лет позже Гоголю уже не было надобности сдирать с героя кожу – достаточно стало содрать шинель.

Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить из него кровь. А Шепчиха... сидит и дрожит... а потом видит, что панночка к ней идет... кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептун поутру вытащил оттуда свою жинку, всю искусанную и посиневшую. А на другой день и умерла глупая баба.

(«Вий»)

Жутко, и одновременно – гомерически смешно.

А ну, паны-браты, перевешаем всю жидобу!... В Днепр их, панове, всех потопить поганцев! Эти слова были сигналом, жидов расхватили, по руками начали швырять в волны, жалкий крик раздавался со всех сторон; но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе.

... Арендаторы-жиды были вешаны кучами, вместе с католическим духовенством.

... Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колена у выпущенных на свободу...

Напрасно несчастные матери и молодые жены и девицы... думали спастись у алтарей: Тарас зажигал их вместе с костелом. И когда белые руки... подымались из ужасного потопа огня и дыма к небу... свирепые казаки подымали копьями с улиц плачущих младенцев и бросали их к ним в пламя ...

(«Тарас Бульба», из различных редакций)

Самое жуткое тут – явно потешающие Гоголя жидовские ноги в башмаках (торчащие из воды) и всегда возбуждающие его белые руки над огнем и дымом.

Понятно, почему именно «Тараса Бульбу» проходили советские дети в школе. И сейчас проходят. Тут унижен, опозорен и оболган еврей. Приведены основания для будущих погромов: ... уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхло, все пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет пожил там Янкель, то он вероятно, выветрил бы и все воеводство.

Не десять, а двести лет вместе – горестно добавляет Солженицын.

Двести лет! Все понятно. Все понятно...

Молодой Гоголь описывает дождливый Петербург: Как удирает этот любезный молодой... Крепче его, крепче дождик: пусть он бежит как мокрая крыса домой... А вот и суровая дама бежит... поднявши платье... и не ворчит, видя, как чиновная крыса в вицмундире с крестиком, запустив свои зеленые, как воротничок его, глаза наслаждается видом... выпуклостей ноги... Они большие бестии, эти чиновники... В дождь... всегда эта амфибия на улице. Его воротник, как хамелеон, меняет свой цвет... Навстречу русская борода, купец... своею половиною. Как тяжело пыхтит эта масса мяса, обернутая в капот и чепчик. Ее скорее можно причислить к моллюскам, нежели к позвоночным животным. Сильнее дождик, ради Бога, сильнее кропи его сюртук немецкого покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиков и подушек. Боже, какую адскую струю они оставили после себя в воздухе из капусты и луку. Кропи их, дождь, за все, за наглое бесстыдство плутовской породы, за жадность к деньгам, за бороду, полную насекомых... Какой вздор! Их не проймет оплеуха квартального надзирателя, что же может сделать дождь.

(«Дождь был продолжительный»)

Насыляет на город потоп. И наблюдает с омерзением, как ведут себя его обитатели – крысы, бестии, амфибии, хамелеоны, массы жирного мяса в чепчиках, моллюски, оставляющие после себя адские струи, плуты с бородами, полными насекомых... Искренно сожалеет о том, что этих не только вода с неба не проймет, но и оплеуха квартального.

Пащенко писал: Был у нас товарищ, Риттер. Гоголь... выкинул с ним такую шутку: «Знаешь, Риттер, давно я наблюдаю за тобою и заметил, что у тебя не человечьи, а бычачьи глаза ...»

Подводит Риттера несколько раз к зеркалу, тот пристально всматривается, изменяется в лице. Дрожит... лег несчастный Риттер в постель, не спит.

Ворочается, тяжело вздыхает... Ночью вдруг вскакивает с постели, будит лакея... «Видишь, у меня бычачьи глаза»...

Подговоренный Гоголем лакей отвечает: «И впрямь, барин, у вас бычачьи глаза!»

Риттер окончательно упал духом и растерялся.... Помешался... И потащили несчастного Риттера в больницу... Гоголь и все мы умирали со смеху...

Погодин: Гоголя занимало иногда подшучиванье над детьми.... он обещал мне с сестрою привезти игрушек... Долго томил... Наконец... лакей пронес перед Гоголем какой-то ящик, завязанный в бумагу, и Гоголь крикнул мне на ходу: «Митя, ступай живей наверх, я тебе игрушку привез...» Я стремглав бросился по лестнице за ними. Начали развязывать покупку, и – о ужас! – оказалось, что Гоголь купил себе очень элегантную ночную принадлежность из красного дерева. Вот тебе и игрушка. Со слезами на глазах я начал бранить Гоголя... Гоголь... истерически хохотал...

Подсунуть ребенку вместо игрушки ночной горшок! Добре, пане добродию.

Кулиш, со слов Смирновой: Гоголь писал собственноручно четырнадцать псалмов и заставлял ее учить их наизусть. После обеда он спрашивал у нее урок, как спрашивают у детей, и лишь только она хоть немножко запинаясь в слове, он говорил – Нетвердо! И отсрочивал урок до другого дня.

Вот еще одно милое свидетельство (Анненкова): Степенный, всегда серьезный Яким состоял в должности его камердинера. Гоголь обращался с ним совершенно патриархально, говоря ему иногда – Я тебе рожу побью... Гоголь простер свою предусмотрительность до того, что раз, отъезжая по делам в Москву, сам расчертил пол своей квартиры на клетки, купил красок и, спасая Якима от вредной праздности, заставил его изобразить довольно затейливый паркет на полу во время своего отсутствия.

Бартенев: Гоголь всегда держал себя бесцеремонно у Хомяковых... капризничал невероятно, приказывая по несколько раз то приносить, то уносить какой-нибудь стакан чая, который никак не могли ему налить по вкусу: чай оказывался то слишком горячим, то крепким, то чересчур разбавленным; то стакан был слишком полон, то, напротив, Гоголя сердило, что налито слишком мало... присутствующим становилось неловко.

Гоголь о Пушкине: Пушкин всегда ездил на пожары и любил смотреть, как кошки ходят по раскаленной крыше. Пушкин говорил, что ничего нет смешнее этого вида...

Тут, кажется, Гоголь приписал Пушкину то, что сам любил делать. В «Дубровском» кузнец Архип спасает кошку, бегающую по кровле горящего сарая: ...Мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние. - Чему смеетесь, бесенята, – сказал им сердито кузнец. – Бога вы не боитесь – божия тварь погибает, а вы с дуру радуетесь – и поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав.

Эта торопливая благодарность – доказательство того, что Пушкин садистом не был.

Многие отзывы Пушкина о творчестве Гоголя, известны нам только из гоголевских сочинений, полагаю, Гоголь запросто приписал Пушкину то, что хотел бы услышать о себе.

Безнаказанность этому подлогу была гарантирована – все знали, что Пушкин вовсю ему протезировал...

Какую лестницу просил подать умирающий Гоголь?

Вот как описывает Гоголь отъезжающего, недовольного неожиданными задержками: Стоит, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на все, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая в это время жжужжит и бьется о стекло под его пальцем.

(«Мертвые души»)

Проговорился, любитель путешествий...

Данилевский: Дорогой дурачились, и Гоголь выдeldывал колена. Щербак был грузный мужчина с большим подбородком. Когда он, бывало, заснет, Гоголь намажет ему подбородок халвой, и мухи облепят его; ему доставался и «гусар».

Когда кучер запрягал лошадей, то мы наводили стекло на крупы. Дорога была веселая.

«Гусар» (бумажка, свернутая в трубочку) засовывали спящему между пальцев руки или ноги и поджигали. «Стекло», упомянутое Данилевским – это увеличительное стекло. Милые юноши прижигали, если я не ошибаюсь, лошадам задницы... Весело!

В «Авторской исповеди» Гоголь объяснял: ...Несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками... На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения... Я думал, что многие сквозь смех слышат мою добрую натуру, которая смеялась вовсе не из злобного желанья.

Развлечение самого себя.

Не пожалейте красненькой, нарядите попа во фрак, за другую – обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам. Я это пробовал, и клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать.

(Гоголь – Погодину)

Подкупить попа, нарядить во фрак, обрить ему бороду, толкнуть его к дамам, на бал, а самому наблюдать эту комедию, записывать и хохотать – браво!

Это не только развлечение, это – художественный метод! Удобно-то как! И придумывать ничего не надо. Вам грустно? У вас хандра? Сведите с ума титулярного советника Поприщина, сорвите шинель с Акакаия Акакиевича. Или, еще проще – оторвите нос глупому майору Ковалеву – и преследуйте его, и смотрите писательским глазом, как он будет бегать по Петербургу да получать

щелчки. От того, от сего и от вас!

Какое сладострастное наслаждение!

- Бейте его! Бейте его! - Кричал Ноздрев, порываясь вперед с черешневым чубуком, весь в жару, в поту.... Ребята, вперед!

Есть тут злобное желание? Есть. И еще какое.

В оправдание Гоголя можно заметить, что не было бы в людях этой злой и веселой страсти к мучительству других существ – не было бы и человека совсем, одни розовокрылые ангелы бесплотные слонялись бы по земле. Не было бы ни сильного тела, сформировавшегося в борьбе не на жизнь, а на смерть с соперниками и конкурентами, с животными и с остальной природой, не знающей жалости. Не было ни литературы, ни живописи, ни кино... Только бесконечная божественная литургия...

Не было бы «злобного желания», не было бы и писателя-Гоголя.

Не было бы на земле и заколдованных мест, одни только – выбранные места...

Свидетель последних дней писателя, врач Тарасенков, констатировал: Ночи проводил он в бдении на молитве... один раз имел небольшое кровотечение из носа, мочу имел густую, темно окрашенную, испражнения на низ не было всю неделю. Прежде сего за год он имел течение из уха будто бы от какой-то вещи, туда запавшей; других болезней не было в нем заметно; сношений с женщинами он давно не имел и сам признавался, что не чувствовал в том потребности и никогда не ощущал от этого особого удовольствия; онаниии также не был подвержен.

Был ли Гоголь мужчиной?

Или у него между ног было, как у майора Ковалева вместо носа, – совершенно гладкое место?

Неестественны «скучающие» герои Гоголя – Платонов, Тентетников, Подколесин. Здоровый молодой мужчина (Пушкин) живет от одной встречи с любовницей (или женой) до другой, от оргазма к оргазму. Если, конечно, его не отвлекают биржевые спекуляции, бега, карты, рестораны. А эти – скучают...

Почему? Потому что Гоголь их заразил своей мертвенностью.

В «Носе» Гоголь демонстрирует незнание мужской природы – настоящий мужчина не будет ТАК дергаться и бегать из-за носа, а вот из-за другого органа – и побежит и подергается, если потребуется.

Панический страх Ковалева остаться без носа – это фрейдистский страх кастрации на гоголевский лад. Набоков полагал, что у Гоголя роль пениса выполнял нос. Чем же тогда были, многочисленные, жадно им описываемые, табакерки и сам нюхательный табак? Воздержимся от ответа. Но чихание, кажется, было единственным, доступным Гоголю, видом оргазма.

Где его рассказ о первой любви? О первой женщине?

Ничего этого нет. Зато есть это удивительное место в «Вие». Единственное в гоголевской прозе описание любовного экстаза (цитирую только конец): ...Он чувствовал томительно-страшное наслаждение... вскочил в свою очередь к ней на спину... схватил лежавшее на дороге полено и начал им изо всех сил колотить старуху. Дикая вопли издала она; сначала они были сердиты и угрожающе, потом становились слабее, приятнее, чище, и потом уже тихо, едва звенели, как тонкие серебряные колокольчики (а он все бил и бил поленом – ИШ)... «Ох, не могу больше!» – произнесла она в изнеможении и упала на землю... Перед ним лежала красавица... Бесчувственно отбросила она на обе стороны белые нагие руки и стонала, возведя кверху очи, полные слез.

Хома сидел на женщине верхом. Левой рукой, видимо, держался за плечо. По каким местам он ее колотил? За что автор приговаривает Хому к смерти? За то, что тот убил ведьму, или за то, что испытал с ней...

... он бросился ее целовать. Немка начала кричать и этим еще более увеличила свою прелесть в глазах Пирогова...

(«Невский проспект»)

Вот только полена рядом не нашлось... И Шиллер с Гофманом вовремя подоспели.

Никто, никогда, ни одним словом, не упоминает о какой-либо любовнице Гоголя. Даже слухов не было. Единственная женщина, в которую Гоголь был якобы влюблен – это графиня Анна Михайловна Виельгорская, одна из его жертв. Гоголь зондировал почву о возможном браке через Веневитинова, женатого на одной из сестер Виельгорских.

Из туманного письма Гоголя графине неясно, что он собственно от нее хотел.

Коробочка соблазняет Чичикова: Да не нужно ли еще чего? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки? Покойник мой без этого никак не засыпал.

Чесание пяток покойнику – единственный разрешенный вид секса в гоголевском мире.

Из многочисленных свидетельств о странностях одежды Гоголя приведем только одно, Аксакова: Передо мной стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме: вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер (куртка); шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весь похожий на головной убор мордочек...

Трансвестит.

Что любил Гоголь есть и пить?

Леденцы, пряники, печенье, крендельки, булочки. Пирожки с яблоками, черносливом и вареньем. Малороссийские кушанья, особенно галушки. Макароны с пармезаном и сливочным маслом. Разнообразные мясные блюда. Водку, херес, шампанское, жженку. Грушевый квас. Козье молоко с ромом. Крепкий кофе с жирными сливками. И еще – все то, что ели и пили его герои... Это при его-то, с молодости, геморроидальных страданиях и расстройствах желудка!

Арнольди свидетельствовал, что Гоголь наедался до того, что бывал болен и в то же время постился иногда как самый строгий отшельник.

Догадка! Молодой Гоголь побывал, по-видимому, в петербургских борделях. Очень уж реалистично описал он публичный дом в «Невском проспекте». Попробовал, но не получилось. Испугался. Испуг зафиксировался в психике, стал рефлексом. Рефлекторным стало и желание скрыть испуг. Следы этих маскировочных работ можно найти во многих текстах Гоголя. Похабные анекдоты – один из таких следов. Белоснежные или мраморные (холодные) красавицы в его литературе – другое.

Женские персонажи у Гоголя – это или лубки как пани Катерина, или карикатуры как дамы в «Ревизоре» или в «Мертвых душах», или так описаны, как будто не Гоголь писал, а сучка Меджи из «Записок сумасшедшего». Есть, впрочем, исключение – изредка Гоголь высказывался «о бабах» как казак, вроде Тараса Бульбы.

Гоголь попросту «не знал» женщины.

Пушкин написал – обманчивы как ножки их. Все ясно, специалист. У Лермонтова читаем – на ней измято было все, и грудь / хранила знаки пламенных лобзаний. А у Гоголя – одно чесание пяток.

За то и не любил он особенно свою «Женитьбу» (писал Погодину – эта глупость не должна была явиться в свет) – потому что позабыл о маскировке, открылся в Подколесине.

«Женитьба» – один из самых страшных текстов Гоголя. Рассказ о том, как инстинкт смерти побеждает волю к жизни.

Осрамился, может быть, в борделе. Вместо того чтобы снять штаны, сделать свое мужское дело и заплатить, начал там, возможно, проповедовать, как в «Выбранных местах»...

Что-то подобное в голову приходит, когда читаешь историю Пискарева...

Мы станем трудиться... Я буду сидеть за картинами, ты будешь, сидя возле меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другим рукоделием...

Как можно? – прервала она речь с выражением какого-то презрения. – Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою....

Женитесь на мне! – подхватила с наглым видом молчавшая дотоле в углу ее приятельница. – Если я буду женою, я буду сидеть вот как!

Как она будет сидеть, Гоголь не написал.

За несколько дней до смерти Гоголь написал «Духовное завещание» – мне бы хотелось, чтобы деревня наша по смерти моей сделалась пристанищем всех не вышедших замуж девиц, которые бы отдали себя на воспитание сироток, дочерей бедных неимущих родителей. Воспитание самое простое: Закон Божий да непрерывное упражнение в труде на воздухе около сада или огорода.

Хорошо еще, что Гоголь жил в веке девятнадцатом. Живи бы он в двадцатом, добавил бы – да окружить приют высокой изгородью. С колючей проволокой. Собак пустить. И вертухаев поставить.

В том же тексте Гоголь пишет: Якимя отпустить на волю. Семена также, если он прослужит лет десять графу.

Лет десять!

Может быть его осрамили не падшие женщины, а жизнерадостные мужчины?

Сильные, успешные, чиновные, богатые. Военные? Полицейские?

Высокопоставленные чиновники?

Гоголь им отомстил. Нарисовал целую галерею взяточников и высокомерных бессердечных бюрократов.

Вот как Гоголь описывает простой народ: После сих... следует необыкновенная дробь и мелочь. Их так же трудно поименовать, как исчислить то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе. Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют... старухи, которые... как муравьи ... («Портрет»)

Старухи – насекомые. В старом уксусе. Или в чернильнице Плюшкина с какою-то заплесневевшею жидкостью и множеством мух на дне. Или в его же графинчике, в который напичкались козявки и всякая дрянь...

И еще про мух: Баранов... преосторожно, прехитро, преинтересно ловит мух, сажает в баночку, обшивает полотном, запечатывает фамильным потомственным гербом и рассматривает при лунном свете.

(Гоголь – Высоцкому)

Преинтересно! Гоголь описал тут не причуду товарища, а свою творческую лабораторию.

... существо... даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп...

(«Шинель»)

Гоголь и был таким естествонаблюдателем, насадившим на булавку бедного Акакия Акакиевича и наблюдающим его в своем тексте как в микроскопе, и даже после его смерти... Гоголь и описывал Башмачкина так, как энтомолог – муху. Крылышки, жужжалица, лапки, голова, хоботок, брюшко, повадки. Городничий недаром сравнивает Хлестакова с мухой с подрезанными крыльями. Этой беспокойной мухе подрезал крылышки, конечно не кто иной, как сам естествонаблюдатель Гоголь...

Потеря и поиск – главная драматическая пружина многих текстов Гоголя. Несчастный Ковалев носится по Петербургу в погоне за своим собственным носом. Встречается с людьми – требует или просит у них помощи. Потому что для этого коллежского асессора человек без носа – птица не птица, гражданин не гражданин, – просто возьми да и вышвырни за окошко!

Ковалев не хочет стать птицей, хотя и умеет, по крайней мере в метафорах автора, летать – обнаружив пропажу носа – он велел тотчас подать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру. Метания Ковалева по Петербургу, его зигзаги и отчаянные наскоки – напоминают метания испуганной птицы в клетке. Страшнее потери самого носа для Ковалева – потеря социального статуса, чина. Места на общественной лестнице, и тогда и сейчас заменяющего в России самого человека.

Мало посадить человеко-насекомых в стеклянный ларчик текста и запечатать фамильным гербом. Надо их заставить там бегать, летать, биться, показывать характер, развивать сюжет. В индийских фильмах для создания коллизии часто отрезают руки или ноги женихам или невестам.

И Гоголь не брезговал простыми мотивациями – членовредительством и всякими колдовскими кунштюками. Ковалеву он отрезал нос, бандуристу содрал кожу, отсек голову Ивасю, искусал Шептиху, заставил Бульбу собственноручно казнить одного своего сына и наблюдать казнь другого, застрашал до смерти Хому и прокурора, оторвал руку и ногу Копейкину, сорвал шинель Башмачкину, а потом и значительному лицу, высек Пирогова и унтер-офицерскую вдову, оторвал бакенбарду Ноздреву, внушил чиновникам уездного города такой страх, что они сосульку, тряпку приняли за важного человека, совсем было избил Чичикова итд...

Для автора – обиженный и ищущий герой – идеальный объект для наблюдения.

Он сам тянет сюжет, за ним надо идти следом, только и всего. Если он остановится – дать ему шелчка!

С гоголевскими героями все более или менее ясно – а за чем, за кем бегал Гоголь? Что искал? Какую красную свитку?

В молодости искал место для службы в Петербурге. Обратился за помощью к Фаддею Булгарину, даже похвальные стихи написал, в которых сравнивал Булгарина с Вальтером Скоттом. Получил по его протекции место. Служить, правда, не захотел. Только за жалованьем исправно заходил.

Искал тепло и покой за границей. Кочевал, кочевал по Европе. Заглянул и на Святую землю. И остался разочарован. Не Гробом Господним. Самим собой.

Писал, писал бесконечный второй том, да так и не написал...

Искал дорогу. Ехал, ехал... Куда?

Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом:

— Пошел!

— Куда? – сказал извозчик.

— Пошел прямо!

— Как прямо? Тут поворот: направо или налево?

Так и Гоголь – сам не знал, куда ехал, зачем. Всю жизнь мотался.

Куда-куда... Туда же, куда мы все едем. На кладбище. Стоило суетиться?

Хотел стать профессором истории. Провалился. Искал места на театре. Не взяли.

Поступил в чиновники, начал делать карьеру, репетиторствовал. Обрыдло.

Ушел. Захотел стать проповедником, учителем жизни – осрамился.

Ради пропитания написал «Вечера». Тут подфартило – встретил Пушкина, Жуковского и прочих значительных лиц. С тех пор никогда не пытался делать что-то «как все», а только по блату. И во многом преуспел. Злодеи, изверги и гонители просвещения – николаи-бенкендорфы-уваровы – ему помогали, проталкивали, чуть не десятилетие содержали за границей...

Бегал он по Европе больше от морозов (еще крепко не любил – жидовских городов), бегал и от самого себя...

Жил, как все писатели в своих произведениях... Литературным хозяйством, словом, анекдотом... Танцевал на балах – только на бумаге. Покупал мертвые души – в тексте. Богател и беднел только вместе с Чичковым. Старел и скряжничал вместе с Плюшкиным. Ел блинцы с Коробочкой. И на черте летал. И в бешеных казацких атаках участвовал...

Вы, может быть, думаете, что я только переписываю...

К концу жизни потерял любопытство, перестал мучить своих литературных героев, стал их даже жалеть, выпустил их из стеклянного ларца. И они разбежались – кто к Тургеневу, кто к Достоевскому, кто к Островскому или к Салтыкову, а позже и к Булгакову.

Почему Гоголь 27-и лет от роду покинул Россию?

Бросивши отечество, я бросил вместе с ним все современные желания.

Неперескочимая стена стала между им и мною, Гордость, которую знают только поэты, которая росла со мной в колыбели, наконец не вынесла. О, какое

презренное, какое низкое состояние... дыбом волос подымается. Люди, рожденные для оплеухи, для сводничества... и перед этими людьми... мимо, мимо их...

(Гоголь – Погодину)

Да-да. Знакомое чувство. Из-за отвращения от соотечественников. И уязвленного самолюбия.

Погодин писал: Там (в Риме) водворился и Гоголь, бежавший из Петербурга после разных неудовольствий и досад при представлении и напечатании «Ревизора».

Какого рода были эти неудовольствия нам открывает следующая цитата. Гоголь читал «Ревизора» русским в Риме на вечере в пользу художника Шаповаленко.

Присутствовавший на представлении Иордан писал: Я слышал, как многие, выходя, говорили: «Этой пошлостью он кормил нас в Петербурге. Теперь он перенес ее в Рим».

Многие зрители и сами актеры-исполнители поняли «Ревизора» как фарс, пошлость. Но не это уязвило Гоголя так, что он оставил Россию.

Посмотрев собственный спектакль, он испугался. Не непонимания публики. Нет.

Представление «Ревизора» открыло ему его собственную природу...

Если бы кто увидел те чудовища, которые выходили из под пера моего...

Гоголь заглянул в себя и понял суть своего писательства.

Его шелкоперство, его словесная потеха над сивыми меринами, свиньями в ермолке и кувшинными рылами, никак не хотела маскироваться под комедию нравов. Под сатиру.

Вышло как у Ноздревского Порфирия – хотел вычесать щенка (показать чиновников и посмеяться над ними), но еще и своих блох напустил (заразил их своими пороками, создал не живых людей, а мутантов).

Стасов писал:... нам приходилось вступать в горячие прения с различными пожилыми... и не пожилыми людьми... уверявшими, что никакой природы у

Гоголя нет, что все его собственные выдумки и карикатуры, что таких людей вовсе нет на свете ...

Именно так думал про своих героев и зрелый Гоголь.

В 1837-м году Гоголь писал Прокоповичу: Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они вроде грозных обвинителей являются глазам моим... И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора», а с ним «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху... я бы благодарил судьбу.

Гоголь сам стал этой молью.

Гоголь – Погдину:... ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить. Нет, слуга покорный. В чужой земле я готов все перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело. Но в своей – никогда... Я бездомный, меня бьют и качают волны...

Впрочем, стать бездомным не в поэтическом, а в реальном смысле слова, Гоголь не пожелал. В 1837-м году он получил от царя выхлопотанное Жуковским великодушное вспоможение в 5000 рублей. Позже он получал деньги от короны регулярно, как пенсию, пока не вернулся на родину.

Не в последнюю очередь и для того, чтобы оправдать в своих и чужих глазах эти деньги, Гоголь создал целую идеологию, в которую, по-видимому, сам верил и которую активно проповедовал.

В самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме... Меня теперь надо беречь и лелеять... Создание чудное творится и совершается в душе моей... Чище горного снега и светлей небес должна быть душа моя...

Свою жизнь в Риме Гоголь представлял как служение России.

Поразительно, что в эту галиматью верили не только богатые и влиятельные светские женщины.

С Гоголем случилось то же, что со всеми нами случается, если мы доживаем до известного возраста. В какой-то момент могучий поток времени, органно воя, обгоняет нас. Жизнь уходит вперед, а мы безнадежно плетемся где-то в хвосте... Отстаем все больше и больше, и все чаще уходим назад, в мир детства, в те времена, когда огненный дракон жизни еще нес нас на горячих плечах и наши розовые щеки обжигало его палящее дыхание...

Дополнительное отставание – от своей бывшей родины – удел любого стареющего эмигранта.

Гоголь покинул Россию молодым человеком. Прожил важнейшие 12 лет за границей и явно проворонил Россию. Она умчалась вперед. Попытался ее догнать, вернулся, прожил перед смертью на родине без малого 4 года, но упущенного так и не наверстал.

Типично для возвращенцев.

Когда я перечитывал вторую часть «Мертвых душ», меня не оставляло неприятное ощущение – казалось, что и сам Чичиков больше автора не интересует. Говорит этот герой все то же, что и в первой части, разбалтывается по-настоящему только в сценах позора у генерал-губернатора и в тюрьме. Но и эти сцены не убеждают – чувствуется, что Гоголь это раскаяние своему герою навязывает... Новые персонажи – Петух, Бетрищев, Тентетников, Хлобуев, Платонов, Улинька, даже Костанжогло – какие-то устаревшие, однобокие типы. Прокисший рассол.

Как ни храпи Петух, как ни болтай Хлобуев – им далеко до Собакевича или Манилова. И они тоже, как и автор, плетутся где-то за пределами существования... Они – литературные недоноски (Хлобуева доносил и выросил Достоевский, Тентетникова – Гончаров итд).

В то время, пока Гоголь обонял весны в Риме и Неаполе, по русской литературе уже пошли другие люди. Даже персонажи «Героя нашего времени»: Печорин,

Вера, доктор Вернер, Грушницкий – гораздо более похожи на современных людей, чем архаичный Бетрищев или Лигейя–Уленька.

Поучительна история гоголевского профессорства.

Профессор-ориенталист Григорьев так описывал университетскую карьеру Гоголя:

Как ни плохи были вообще слушатели Гоголя, они, однако же, сразу поняли его несостоятельность. В таком положении оставался ему один исход – удивить фразами, заговорить; но это было не в натуре Гоголя, который нисколько не владел даром слова и выражался весьма вяло. Вышло то, что после трех-четырех лекций студенты ходили в аудиторию к нему только затем уж, чтобы позабавиться над «маленько сказочным» языком преподавателя. Гоголь не мог этого не видеть, сам тотчас же сознал свою неспособность, охладел к делу и еле-еле дотянул до окончания учебного года, то являясь на лекцию с подвязанной щекой в свидетельство зубной боли, то пропуская их за тою же болью.

Многое из вышесказанного верно и в отношении гоголевской литературы. И реакция публики была примерно такой же. И поведение автора.

Цензор Никитенко свидетельствовал: Жуковский возвысил его в глазах Уварова до того, что тот в самом деле поверил, будто из Гоголя выйдет прекрасный профессор истории, хотя в этом отношении он не представил ни одного опыта своих знаний и таланта... Гоголь потребовал звания ординарного профессора и шесть тысяч рублей единовременно на уплату долгов. Молодой человек... не имеющий никакого академического звания, ничем не доказавший ни познаний, ни способностей для кафедры... Это может делаться только в России, где протекция дает право на все... Что же вышло?... Гоголь так дурно читает лекции в университете, что сделался посмешищем для студентов.

Анненков писал: Одна из причин, оторвавших Гоголя от Петербурга, был неуспех его университетского преподавания. Гоголь понадеялся на силу поэтического воссоздания истории, на способ толкования событий *a priori*, на догадку и прозрение живой мысли, но все эти качества, не питаемые постоянно

фактами и исследованиями, достали ему на несколько блестящих статей, на несколько блестящих лекций, а потом истощились сами собою, как лампа, лишенная огнепитательного вещества.

Это приговор. Не только неуспешной гоголевской профессуре, но и его литературе. Гоголь и в ней понадеялся на силу поэтического воссоздания реальности, на догадку и прозрение живой мысли и тут хватило на несколько блестящих текстов («Петербургские повести»), а на «Мертвые души», так, как он их задумал, – масштабно, панорамно, у римского жителя сеньора Николо явно не хватило огнепитательного вещества.

Гоголь был достаточно умен, чтобы это понимать.

Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать. Я болею незнанием, что такое нынешний русский человек...

(Гоголь – Россету).

Гоголь хорошо знал быт своей родины – Малороссии. За восемь лет тамошней жизни узнал отчасти и чиновничий Петербург. Настоящей России он не знал вовсе.

Реагировал он на свою неудачу на кафедре характерно: Я читаю один, решительно один в здешнем университете... хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург.

(Гоголь – Погодину)

Пушкин испортил его похвалами. В «Авторской исповеди» Гоголь писал: ... Главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем.

Может быть и не надо показывать мелочи крупно? Такое представление реальности – однобоко и деспотично, оно упрощает жизнь, превращает живых людей в героев мультфильмов. В носы. В ноздри. В кувшинные рылы.

Герои Гоголя – уроды. Толстоносые (как городничий). Или вовсе без носа (как Ковалев). Люди-ноздри с черными как смоль бакенбардами или только с одной бакенбардой (Ноздрев). Во фраке с искрой или адским пламенем (Чичиков).

Люди с густыми бровями (прокурор). Люди – коробочки. Плюшки, Петухи.

Тентеты, Яичницы. Жевакины. Бульбы. Ляпкины-Тяпкины.

Тяп-ляп-тяп-ляп... Это леший Гоголь куёт в адской кузнице своих отвратительных гомункулов...

Трудно литературному герою (бескрылой мухе) бороться с всемогущим автором. Известный в Петербурге анекдот о безносом спутнике Муртазы-Кули-хана, для которого мастер Осип Шишорин сделал два искусственных носа, стал для невинного майора Ковалева, попавшего в лапы к нежинскому профессору Вию, кошмарной реальностью.

Ковалев одинок, он околдован нечистой силой, ошельмован, унижен, убит. Он – выкидыш из реальности. Один, в страшном сюрреалистическом мире. Он умирает от ужаса, в который его поверг всемогущий автор, генерал-губернатор прозы...

У него между щеками – совершенно гладкое место.

Персидского вельможу изуродовали в борьбе за власть сторонники злобного шаха-скопца. Ковалеву же урезывает нос страшный евнух Гоголь.

Ковалев для Гоголя не больше чем насекомое, муха или комарик...

Ковалев догадывается, что все, что с ним случилось, это – сон, греза (Невероятно, чтобы нос пропал... Это, верно, или во сне снится, или просто грезится), но бедный майор не догадывается, что это не его греза. А автора, засмотревшегося на графинчик с козявками.

Религиозный моралист. Многие герои Гоголя переживают метаморфозу, знакомую нам по житиям святых. Страсти – наказание – искупление – преображение.

Уже в первом удачном литературном опыте Гоголя – «Вечере накануне Ивана Купалы» – соблазненный Басаврюком Петрусь, страстно влюбленный в красавицу Пидорку, отрезает, в погоне за золотом, голову невинному ребенку Ивасю. Ни женитьба на Пидорке, ни богатство счастья ему не приносят – в конце концов он сгорает заживо прямо в хате. Метаморфоза происходит и с телом Петруся и с самим золотом: Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу... одни битые черепки лежали вместо червонцев.

Пидорка – заместитель Петруся по искуплению – уходит в монастырь, в Лавру, замаливать грех мужа. Высыхает как скелет. Беспрестанно молится. Приносит оклад к иконе Божьей Матери, исцвеченный яркими камнями...

В «Портрете» тот же сюжет повторяется два раза.

Бедный художник Чартков покупает портрет басаврюка-ростовщика, в рамке которого спрятаны червонцы. Завладев червонцами, Чартков начинает роскошествовать. Забрасывает ради золота и славы истинное искусство и становится модным живописцем. Через много лет встречается настоящее произведение искусства, очаровывается им, завидует, озлобляется и, так же, как Петрусь, впадает в мрачное бешенство – скупает картины высоких мастеров и изрезывает их на куски. Кончает он еще мрачнее: Все люди, окружающие его постель, казались ему ужасными портретами... все стены казались увешаны портретами, впорванными в него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядели с потолка, с полу, комната расширялась и продолжалась бесконечно... Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме своих терзаний, и издавал одни ужасные вопли и непонятные речи. Наконец жизнь его прервалась в последнем, уже безгласном, порыве страдания.

Пророческое описание! Гоголь умер почти так же – отрекшись от своих произведений, уничтожив работу нескольких лет, изойдя религиозным ханжеством и мракобесием. И страхом смерти. Ему как и Хоме не помогли и сами иконы в церкви. Со всех концов его литературного пространства на него смотрели вылезшие из строчек текста, как ростовщик из рамок, порожденные его гением гомункулы – «мертвые души»...

Во второй части «Портрета» описывается другой художник, автор злополучного портрета, отец рассказчика на аукционе. Его грех – не предательство истинного искусства ради денег, не любовь к «падшему ангелу» (от которой погиб художник Пискарев), а всего лишь... Реализм созданного им портрета.

Мастерство.

И этот гоголевский художник впал было в бешенство, но сдержался, одумался и ушел, вслед за несчастной Пидоркой, в монастырь. Там он из древесных ветвей выстроил себе келью, питался одними сырыми кореньями, таскал на себе камни с места на место и каялся и в конце концов создал великую религиозную картину – Рождество Иисуса.

То же самое Гоголь хотел осуществить в своей собственной судьбе – искупить покаянием «адский сюрреализм» петербургских повестей и первого тома «Мертвых душ» – уничтожить в домашнем аутодафе всех порожденных его греховным пером монстров и стать кем-то вроде государственного монаха-писателя или пророка-проповедника. Савонаролла из него не получился... Скорее Фома Опискин.

Гоголь отомстил всем своим героям и самому себе – рукопись сжег, а себя заморил голодом до смерти. Был похоронен и лежал себе в гробу, пока какой-то шутник (говорят, Бахрушин) не украл его голову. В советское время по приказу нового Вия – Сталина, гроб открыли, советские прохвосты-писатели украли (вполне в стиле звонаря Халявы) сапог Гоголя, его ребро, содрали с трупа сюртук. Даниловский монастырь, где была могила Гоголя переделали в изолятор НКВД для детей репрессированных лиц. Гроб перезахоронили на Новодевичье кладбище, старый памятник выкинули.

Сюжет «Носа» – это отчаянный поиск утраченного, с прологом (сцены с цирюльником), небольшим дополнением (описание слухов) и счастливым эпилогом. Анекдот, построенный как последовательность анекдотических эпизодов. Большой лубочный лист.

На театре «Нос» был бы чем-то вроде сценической шутки, гротеска, почти сюрреалистического действия. Забавная чепуха. Не без дерзости.

Слава Богу, никакой нравственной метаморфозы коллежский асессор Ковалев не переживает. Он безнадежен. И потому правдив.

Почему нам нравится измывательство автора над коллежским асессором, самозванным майором?

Потому что и мы любим поглумиться над несчастьями ближнего. Да еще и такого преглупого, с сердоликами и бакенбардами. Хороший конец освобождает нас от угрызений совести. Бескровный нос не внушает отвращения.

Показать российскую действительность «непосредственно», «прямо» – крайне трудно, слишком она лжива, обманчива. Кривое зеркало Гоголя и его «веселый садизм» – позволяют вывернуть наизнанку жизнь петербургских насекомых. Так изучение мозгов шизофреников помогает ученым понять, как функционируют здоровые мозги.

Когда Гоголь с помощью оптинских старцев и Исаака Сирина вытравил-таки из себя «веселого садиста», разбил стеклянный ларчик с насекомыми – его проза – о парадокс! – перестала быть реалистичной.

Русская проза – не акафист; чтобы ее писать, нужны и злоба, и ярость, и гордость, и себялюбие. Иначе русская жизнь превратит и писателя и его писульки в мыло.

В письме к матери Гоголь писал: Сон есть отражение наших беспорядочных мыслей. То, что мы думаем, что нас занимает, нам видится и во сне, только натурально на изнанку... сон есть больше ничего, как бессвязные отрывки, не имеющие смысла, из того, что мы думали, и потом склеившиеся вместе и составившие винигрет.

Композиция «Носа» и есть гоголевский, сон-винигрет, составленный из склеившихся, не имеющих смысла отрывков. Также построены и многие другие произведения Гоголя – в частности самый большой его сон – «Мертвые души». Свободное построение позволяло Гоголю не стесняться себя сложными композиционными схемами, а просто нанизывать на нитку различные анекдоты, перемежая их красочными описаниями.

- Где это ты, зверь, отрезал нос? - Спрашивает цирюльника Ивана Яковлевича его разгневанная супруга Прасковья Осиповна. А нос, между тем, вовсе не отрезан, на своей обратной стороне он похож, как и совершенно гладкое место между щек Ковалева, на блин. Нос почему-то даже не запекся в печи вместе с хлебом (покраснел бы или побагровел, но в любом случае не был бы таким ужасно белым).

Таков абсурдный пролог рассказа – бедный цирюльник хоть и подозревается в краже бортища пуговиц, но к пропаже носа Ковалева никакого отношения не имеет. Он, пусть и вонючими руками, но честно и аккуратно выбрил асессора, как всегда, в среду; нос был, как подтвердил позже сам его хозяин, всю среду и четверг на месте (для усиления его реальности на нем вскочил прыщ) и пропал ночью или под утро пятницы.

Нос – веселое слово, волшебное, с изнанкой, вперед – нос, а назад – сон.

Появление носа Ковалева в печеном хлебе – как элемент кошмара – вполне логично. Гоголь дразнит майора – а нос-то твой вот где, в хлебе! Запечённый! Сейчас его цирюльник сожрет с луком, да запьет кофеём! А ты будешь без носа жить, птичка наша сердоликовая. Будешь на Воскресенском мосту сидеть и апельсинами торговать!

Супруга цирюльника спускает на мужа поток симпатичных ругательств: Мошенник! Пьяница! Разбойник какой! Сухарь поджаристый! Потаскушка, негодяй! Пачкун, бревно глупое!

Почтенная Прасковья Осиповна выражает сомнение в его мужской пригодности – Знай, умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять.

И обещает мило: Я сама на тебя донесу полиции.

Далее Гоголь разыгрывает одну из самых странных сцен мировой литературы – попытку Ивана Яковлевича отделаться от носа. Это еще труднее, чем догнать бывшего регента, кота и специалиста по черной магии...

Он хотел его куда-нибудь подсунуть или как-нибудь нечаянно выронить. И

удрать. Не вышло.

В другой раз он уже совсем уронил его, но будочник еще указал ему алебардою, примолвив: «Подыми! Вон ты что-то уронил!»... Отчаянье овладело им...

Вообще, в этом тексте ни у цирюльника, ни позже у майора – ничего не получается. Чтобы они ни делали, ничего не выходит, все оборачивается против них. Получают они одни щелчки. Ковалев получает щелчок даже по своему совершенно гладкому месту (от доктора).

Только в самом конце повествования, явно не зная, как развязать этот абсурдный узел, автор сделал вид, что сжалился над майором, и сам, ночью, без свидетелей, приклеил таки Ковалеву нос. Шинель вот не отдал Башмачкину, зажилил, может, и для самого себя – очень уж мерзлuchий был, а майорский нос – приставил на место. На кой он ему, у него свой был, длинный.

Никаких логичных оправданий этому хэппи-энду нет. Но, не оставлять же было нос лежащим на тумбочке, или еще хуже – не продавать же его противному доктору. Да и не приставь он носа на место – все закричали бы – так не бывает! А так все тихо-с.

Мало того, что Иван Яковлевич долго не мог выкинуть маленькую тряпочку с носом – когда ему это наконец удалось, и нос, вероятно уже грызли бегающие (на коньках?) в Неве рыбы, его позвал к себе и подверг допросу квартальный. А потом, хоть это из цензурных соображений и не было описано Гоголем, ни в чем неповинного цирюльника арестовали и посадили на съезжую. Только за то, что он делал что-то, показавшееся подозрительным полиции на Исакиевском мосту. Позже, впрочем, отпустили. На кой черт он нужен на съезжей? Со своим пегим, в коричнево-желтых и серых яблоках фраком и вонючими руками.

Допрос квартальным цирюльника Ивана Яковлевича – великолепный образчик диалога российской власти с маленьким человеком. В чем-нибудь человек всегда перед властителями виноват. В чем? Это надо выяснить... Вот, пусть сам и рассказывает. А не будет рассказывать, заупрямится, так мы его по рылу... Национальная традиция...

- Скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту? – спрашивает квартальный.
- Ей-Богу, сударь, ходил бриться, да посмотрел только, шибко ли река идет.
- Врешь, врешь! Этим не отделаешься.

Вернемся, однако, к несчастному коллежскому асессору, к сердоликовому нашему майору. Посмотрим, как эта мушка бьется в пинцете у экспериментатора Гоголя.

Итак, Ковалев проснулся, потребовал зеркало, посмотрел на свое лицо и увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место!

Прочитав это описание примерно в одиннадцатилетнем возрасте, я был разочарован. Особенно меня, как и майора, разозлило это гладкое место. Мне представился даже не выпеченный автором несколько позже блин, а какой-то дебил с плоским лицом, не человек, а детская поделка – рожица, вырезанная из бумаги. Нечто двумерное. Я почувствовал не только издевку автора над собственным героем, но и его, Гоголя, странное бессилие, неумение придумать что-то более интересное, чем это гладкое место.

Совершенно гладкое место, впрочем, невозможно. Я попробовал нарисовать безносого так, чтобы никаких следов носа не осталось, никаких дыр, только одна огромная щека от уха и до уха. Кошмарная рожа! Нарисовал честно, по описанию, густые бакенбарды, идущие по самой середине щеки и прямехонько до носа (до того места, где еще вчера торчал нос). Получилась – обезьяна!

Так Гоголь повернул эволюцию вспять – превратил майора в обезьяну и дал этой обезьяне новой, гоголевской породы, пинка в зад – беги.

Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза... вскочил с кровати, встрепенулся... и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

Гоголь начал эксперимент. Закрутил волчок и с жадностью смотрит, куда его понесет. И любопытный читатель смотрит вместе с ним.

Автор, втискивает читателю сомнительный анекдотец, ставит его в лестную позицию ехидного наблюдателя. Не надо самоидентифицироваться с Ковалевым, с мухой без крыльев, не надо даже ему особенно сочувствовать, этому потешному попу во фраке, этому дураку Риттеру с бычачьими глазами и

дымящимся гусаром в пальцах...

Чтобы еще немного отстранить читателя от героя, сделать подопытного кролика еще немного гротескнее, а историю соленее, Гоголь использует первую же возможность для негативного представления Ковалева, который бежит в панике к обер-полицмейстеру. А автор в это время пакостно сплетничает. Намекает на неблагородное происхождение его асессорства. Кавказский асессор-то!

Экзамены сдать не смог... Через заднее крыльцо в потомственное дворянство втиснулся... Рассказывает и о воротничках и о манишках, и о смазливеньких, о бакенбардах и о румяных щеках, о печатках сердоликовых, о его планах и мечтах... Всю подноготную...

... приехал искать места вице-губернаторского, а не то – экзекуторского... не прочь и жениться, но только в том случае, когда за невестой случится двести тысяч капитала...

Т.е, объясняет читателю, что его жертва – человек тщеславный до боли, суетный, похотливый, готовый за деньги и продать себя. Не жалеть его! Пусть побегает, подергается, пощупает свое гладкое место. Он сам – гладкое место. Преглупое место. Со всеми своими печатками.

Ковалев забегает в кондитерскую – куда же еще может ползти бескрылая муха, как не к сахару. Ковалеву, впрочем, не до сладких пирожков – он смотрится в зеркало. Робеет. Убеждается, что носа нет, чертыхается, плюется... А ведь он должен еще радоваться, что хоть рот оставил ему Гоголь. Мог бы и... Зашить шелковой ниткой (Гоголь, как известно, сам шил и кроил пестрые галстуки)... Читатель смеется. Гоголь не спускает со своего героя глаз. И тут же, с лету, не давая ни строчки продыху, сталкивает Ковалева с чиновником в мундире с высоким стоячим воротником. И заставляет обескураженного Ковалева узнать в этом господине его собственный нос.

Из дальнейшего рассказа вовсе не ясно, почему, как это Ковалев узнал в этом человеке – собственный нос. Но автору плевать и на читателя и на подопытного Ковалева, плевать на связность или логичность сюжета. Он развлекается.

Лечится от ипохондрии.

В гоголевской прозе довольно часто встречаются тупики, в которых автор-крот не желал или не умел проделать дырки для читателя, жаждущего хоть какой-то зацепки или пусть абсурдной, но логики. Проза Гоголя так же капризна и странна, как и ее автор, справедливо писавший про себя, что не умеет завязывать и развязывать сюжет.

Почти вся проза Гоголя – мир наизнанку. Когда он ее вывернул назад – оказалось, что лицевая сторона этого литературного носка – скучная и ничем не примечательная.

Ковалев поспешил в Казанский собор. За собственным носом.

Он... пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь.

Вот он – ужас настоящей, дремучей жизни. Это уже не страх майора – это страх самого Гоголя. И какой жуткий намек! Нищие старухи, бывшие прежде смазливенькими, с провалившимися, сифилитическими носами, в лишаях или прокаженные...

...над которыми он прежде так смеялся...

Кто смеялся? Ковалев или Гоголь?

Так вот за что урезают носы – за жестокость.

Нос-чиновник спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился. Что же это делается, господа?

Нос – молится? Это, что ж, и руки могут отдельно от человека молиться. И живот... И... Эге-ге. Недаром редакция «Московского наблюдателя» эту повесть забраковала.

Спрятал лицо. Значит – у носа была голова, волосы, шея, лицо. Т.е. нос действительно был человеком. Чиновником. Носил мундир со стоячим воротником. Молился с выражением величайшей набожности. Все чин чинарем. И тем не менее оставался носом. Носом майора Ковалева. Который тут же рядом стоял, но не молился, а хотел было с ним заговорить, но робел, потому что нос, все-таки был его на два чина выше... Статский советник!

Интересно узнать, а нос у носа – какого был чина? Еще на два пункта выше? А нос носа носа... Канальство. И, если у Ковалева нос – отдельно от хозяина разгуливающий чиновник, то и у других тоже... Носы... Разгуливают по Петербургу.

А какие еще, сбежавшие от хозяев, части тела по Петербургу гуляют? Какая дерзость! Статский советник – и всего-то «нос». И разглядеть это может каждый квартальный, если, конечно, наденет специальные очки. А может и государь-император – тоже... Всего лишь нос. С прыщиком. Хоть и в золотом мундире. Или еще хуже, может быть, он только прыщик на носу у коллежского асессора?

Помнится, была такая французская карикатура гоголевского времени – по бульвару идут огромные разодетые... Нет, не носы. Должно быть, видел ее Гоголь. И намекал на нее.

Нос-человек, впрочем, это вовсе не выдумка Гоголя, а персонаж с популярного лубка Похождения о носе и о сильном морозе (этому посвящена замечательная статья Александры Плетневой «Повесть Н.В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция»).

Нос и мороз – двое мужчин, стоящих друг против друга и спорящих.

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать подпись под этим двухчастным лубком: Случилось носу теплом похвалится / будто смелость имеет с морозом браниться / вдруг сделался великий мороз / выскочил против его красный нос / говорит я нос красный / а о морозе пропущен слух напрасный / якобы он тех знобит / у кого (нос) табаком (набит) / я за ним това не признаваю / всегда наруже красен пребываю / никогда от того морозу не хоронюся / но ежели б он здесь был / то я с ним побранюся /... / однако от морозу нос не потрусил / а после мороз скоро его укусил / пошел из носу табак / бросился нос скоро на кабак / вышел оттуда / отважился сказать / я еще себя хочу показать / мороз очень осердился / что нос пред ним возгордился / сделал такое награждение / и носу его прибавление / великая на носу вдруг шишка вскочила / что чуть и рожу не своротила / притом обратился нос в алый цвет / каких у индейских питухов

нет / перестал нос с морозом драться / и стал в тепло убираться / оттого сделался нос гнил / а хозяину не мил / отчего хозяину печаль / а нос гусиным салом лечил...

Некоторые слова я исправил, а питуха оставил (питух – пьяница, от глагола пить).

Нос-человек на лубке провоцирует мороз, похваляется перед ним. Мороз его по-свойски унимает. В известном смысле и нос майора Ковалева – похваляется и провоцирует, изображает вельможу, хотя сам всего лишь нос. И его наказывают – не дают уехать в Ригу, превращают в обычный человеческий нюхательный орган и возвращают за известную мзду владельцу. Роль мороза, фатума играет в гоголевской истории полицейский, квартальный надзиратель.

Как близок этот лубок образному мышлению Гоголя демонстрирует следующий отрывок из «Шинели»: Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз... В девятом часу утра... начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам...

Где происходит история с носом? Ответ вроде бы простой: в столице российской империи Санкт-Петербурге. Но так ли это? Не ходят там носы в мундирах. И не ходили. Там даже в расстегнутом мундире по Невскому пройти было нельзя, царь мог заметить и наказать. Какие уж тут носы с плюмажами! Тут – по струнке! Тут недавно еще вешали.

А если не в реальном Петербурге, то где?

Где-где – на Луне!

Вот что писал троюродный брат майора Ковалева титулярный советник Поприщин: Луна – такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы. И по тому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся на Луне.

Это уже горячее! Носы не ходят по земле. Не бегают по мостовым Петербурга. Носы – нежные существа, живут на Луне. Значит, не николаевский Петербург описан Гоголем, а невсамоделешний, лунный.

Там – дам целый цветочный водопад сыпется по всему тротуару.

Там – усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою.

Там – бакенбарды бархатные, атласные, черные как соболь или уголь.

Там – восхитительные духи и ароматы.

Там – целое море мотыльков и туча черных жуков.

Там – тоненькие, узенькие талии никак не толще бутылочной шейки.

Там – рукава, похожие на воздухоплавательные шары.

Там – дамы поднимались бы на воздух, если бы не поддерживали их мужчины.

Там – лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет.

Там – почтенные старики бегут, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы.

Там – все окидывается каким-то туманом. Тротуар несется под тобой, кареты со скачущими лошадьми кажутся недвижимы, мост растягивается и ломается на своей арке, дом стоит крышею вниз. Будка валится к тебе навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестит на самой реснице твоих глаз.

Там – мозг приносится ветром со стороны Каспийского моря.

Там – легкость необыкновенная в мыслях.

Там времени нет, а все происходит – мартабря 86 числа. Между днем и ночью.

Там плавает чудесная рыба лабардан.

Этот текст из моей книги "Солнце в футляре", опубликованной американским издательством "Вольный стрелок".

Рисунок я сделал "по мотивам" различных рисунков Гоголя.